

Международная экономика

Александр ШАРОВ

**ТРИЛЕММА
СТРАТЕГИЧЕСКОГО ВЫБОРА УКРАИНЫ
В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

Резюме

Представлен анализ критериев выбора интеграционного направления развития экономики Украины в контексте общей стратегии развития в условиях современной глобализации. Отдельные вопросы этой проблемы рассматривались многими авторами, в частности, И. Бураковским, А. Веселовским, А. Гончаруком, К. Грищенко, С. Толстовым, О. Шаповаловой, Р. Шпеком и др. Автор указывает на субъективные и объективные требования в отношении различных интеграционных стратегий и приходит к выводу о безальтернативности евроинтеграционного направления, под которым подразумевается не стремление к обязательному получению полноправного членства в ЕС, а, скорее, обеспечение соответствия внутренних условий осуществления экономической деятельности европейским стандартам.

© Александр Шаров, 2012.

Шаров Александр, докт. экон. наук, профессор, Тернопольский национальный экономический университет, Украина.

Ключевые слова

Международная экономическая интеграция, зона свободной торговли, ЕС, ЕврАзЭС, *acquis communautaire*.

Классификация по JEL: F15, F13.

Что бы там ни говорили, а знаменитая украинская многовекторность обусловлена самой парадигмой национального мышления, которая формировалась в течение веков под влиянием двух определяющих факторов: истории и географии. Интересно, что такая же логическая связь характерна и для наших меридианальных соседей. Так, турецкий ученый и политик (министр иностранных дел) А. Давутоглу писал, что «международное поведение страны определяют ее геостратегическое положение и историческая «глубина»¹. Подобное утверждение об истории и географии как двух основных причинах всех российских проблем приписывают и Н. Н. Карамзину.

В нашем случае произошло так, что современное географическое деление между Европой и Азией было откорректировано историческими факторами, вследствие чего политическое трактование такого деления значительно приблизилось к его первоначальному значению. Дело в том, что изначально определение «Европа» и «Азия» использовали лишь для деления на западное и восточное побережье древнего водного пути морями: Средиземном – Черном – Азовском². Казалось бы, что на водных артериях Днестра (Тираса), Южного Буга (Гипаниса), Днепра (Борисфена) и Дона (Танаиса) такой деление теряло всякий смысл. Однако именно здесь прошла не только водная граница в виде одной из крупнейших в мире рек – Днепра, но и воздушная граница, соответствующая изотерме января: на восток от нее средняя температура января – отрицательная, а на запад – положительная. Здесь сталкиваются не только воздушные, но и человеческие потоки: имен-

¹ Цит. за: J. W. Walker «Architect of Power» – The Journal of International Security Affairs, No. 18, Spring 2010.

² «Европа» – от финикийского *`ereb* – «место, где заходит солнце», а «Азия» – от названия болотистой местности, которая дала также название небольшому западноанатолийскому государству (соответственно, на восточном побережье Средиземного моря).

но в этом регионе сходятся три мировые религии, поставившие перед нелегким выбором киевского кагана Владимира. А позже на той же линии январской изотермы встретились два могучих потока оседлой (земледельческой) и кочевой (скотоводческой) цивилизаций. Большое столкновение привело к большому расколу: южно-западные пространства не приняли азиатского диктата и интегрировались в европейское феодальное общество, в то время как северно-восточные территории, наоборот, не восприняли европейского уклада жизни и отдали предпочтение союзу с империей монголов.

Конечно, прошлое единство может вызвать ностальгические воспоминания об утраченной большой родине, как и извечная грусть человека по утраченному раю. Однако в течение жизни все мы что-то теряем. Вопрос заключается в том, что мы получаем вместо этого.

Карл Великий тоже объединил западноевропейский этнос в едином государстве, которое после его смерти было охвачено раздорами и уже через три десятилетия прекратило свое существование и его разделили между собой его внуки. И вместо франков появились французы и немцы. Позже эти государства раздробились на еще большее количество частей, из которых, по мере прогресса западноевропейской цивилизации, как будто из кубиков, сложились новые государства и нации, что, собственно и позволило получить культурное разнообразие, которое мы наблюдаем сегодня. Именно это и породило такое понятие, как права человека, которое логично кристаллизовалось из первоначального права королей, потом – герцогов и графов, баронов, дворян, отдельных земель и городов, ремесленных цехов и купеческих гильдий...

Всего этого просто не могло бы быть (и не было бы!) в едином тоталитарном государстве, сером и мрачном. Все западноевропейские нации достигли высокого уровня развития, потому что им выпала судьба самостоятельно строить «свой дом». Таким образом мужают сельские дети – вчерашние юноши, которые отделились в самостоятельное хозяйство, с правами и ответственностью за себя и своих детей...

Однако мы не только предрасположены к разделению. История свидетельствует, что украинский народ постоянно стремился к единству со своими соседями, отчего сам же впоследствии и отказывался. В результате этого по нашей территории прошел «водораздел мировоззрений»: уже в XVII веке Украина очутилась в ситуации страны, «на восток от которой лежала страна с до недавних пор стопроцентной человечностью православной, в то же время на запад – со стопроцентной католической»³. А на Украине эти мировоззрения смешались, как воды Индийского и Атлантического океанов, образуя вокруг мыса Доброй Надежды одно из наиболее опасных мест для мореплавателей.

³ Gudzyk K. «Grzech świata chrześcijańskiego» – W ks.: «Wojny a Pokój» – Ed. L. Iwyszyna, Kijów, 2004, s. 160.

Кажется, что *разделительная полоса*, проходящая по нашей территории, находит свое проявление в социальной жизни в предрасположенности к одновременному присоединению к сообществам, которые исключают друг друга, следствием чего становится разъединение Украины или чрезмерно затянутый во времени выбор – некий «*Буриданов комплекс*». «Неопределенность, однако, не ограничивается внешнеполитической (геополитической) сферой, тем не менее, присутствует, и это естественно, во внешнеэкономической (геоэкономической) сфере, потому что большинство великих международных экономических проектов являются продолжением фундаментальных геополитических концепций»⁴.

Именно в этом контексте становятся понятными колебания украинского общества (а не только властных структур) относительно определения направления нашей самоидентификации в глобальных структурах современного мира. К сожалению, как свидетельствуют специалисты и непосредственные участники процесса, «сегодня можно констатировать, что за 20 лет стране так и не удалось реализовать ни одной из существующих в разные времена и в различных социально-экономических условиях интеграционной стратегии»⁵.

Образно высказываясь, стоит себе Украина, как древний витязь на распутье, и читает надпись на большом камне: «На Запад пойдешь – утратишь российский рынок. На Восток пойдешь – утратишь перспективы модернизации. А на месте будешь стоять – опять потеряешь время».

В экономических терминах эта трилемма может быть описана следующим образом.

Существуют три возможных варианта ответа Украины на глобализационные вызовы (если рассматривать только те из них, которые реальны на ближайшее десятилетие): европейская интеграция, присоединение к Евразийскому Союзу и попытки «самостоятельного плавания», то есть дальнейшего развития своей экономики за пределами существующих интеграционных объединений.

Для лучшего понимания сущности трилеммы необходимо внести некоторые пояснения, учитывая совет психологов: «Если исследователи хотят быть уверенными, что говорят об одном и том же, они должны договориться об определениях».

Следовательно, договоримся, что «*европейская интеграция*» не равнозначна присоединению к *Европейскому Союзу*. Членство в ЕС должно

⁴ Олексій Гавриш «ЄврАзЕС і європейський вибір України» – <http://www.db.niss.gov.ua/docs/polmil/113.htm>.

⁵ Гончарук А., Усенко О. Регіональна торговельно-економічна інтеграція України та ЄС: стан, проблеми і перспективи // Міжнародна економічна політика. – 2011. – № 12, 13. – С. 98.

ставиться в качестве конечной и логической цели этого процесса, впрочем, успех в его развитии будет «засчитан» при условии достижения полной/достаточной адаптации к ценностям и стандартам, принятым в странах ЕС (имеется в виду как *acquis communautaire*, так и принцип верховенства права, профессиональные кодексы поведения и моральные ценности). Подтверждением такого достижения может быть его определение со стороны ЕС в виде заключения соглашения о присоединении, или официального приглашения к присоединению, или фактического признания полной адаптации (создание зоны свободной торговли и введение безвизового режима или, даже, присоединение к Шенгенской зоне и др.). Таким образом, «европейская интеграция» может стать результатом достижения статуса таких стран, как Швейцария или Норвегия.

С евразийским выбором ситуация выглядит несколько иначе. Дело в том, что как интегральная часть бывшего СССР и Российской империи (пространства которых являются исключительным ареалом существования Евразийского Союза под любыми названиями) Украина а priori соответствует необходимым и достаточным требованиям признания в качестве субъекта этого Союза. Иначе говоря, хотя юридически Украина не вступала в ЕврАзЭС, наши ценности и стандарты полностью/достаточно адаптированы к ценностям и стандартам, принятым в странах-учредителях этого Союза. Однако, в отличие от евроинтеграции, в данном случае проблему нельзя считать решенной, ведь одной из ценностей этого интеграционного объединения является полная и единодушная поддержка «руководящих решений», требующая, помимо прочего, публичной демонстрации своей лояльности. А следовательно, *присоединение к Евразийскому Союзу является более важным требованием, нежели соответствие по сути и духу абсолютно большому числу ценностей и стандартов*. Только за такую демонстрацию главные спонсоры ЕврАзЭСа готовы предоставлять торговые преференции и осуществлять стратегические инвестиции. Как известно, «кто платит, тот и заказывает музыку». А «симфония» – это именно то сочинение, повседневное исполнение которого ожидается от «евразийского оркестра».

Наконец, следует иметь в виду, что *вариант дальнейшего экономического развития вне интеграционных объединений не означает переход к автаркии*, то есть полному самообеспечению экономики и ее замкнутости в отношении внешнего мира. Вполне понятно, что автаркия не соответствует ожиданиям и намерениям украинского общества (политический фактор) и, при существующей структуре национальной экономики, не может обеспечить даже низкого уровня развития народного хозяйства (экономический фактор).

Определившись с основными понятиями, попытаемся проанализировать возможности и перспективы выбора направления дальнейшего экономического развития страны, исходя из возможности необременности такого выбора.

Исследователи определяют три фактора привлекательности Европейского Союза для новых членов: экономические основы, преимущество

правовых принципов и демократический характер принятия решений. «Такая оригинальная комбинация прагматизма и принципов помогает Союзу выжить в кризисах, сохранить доброе лицо, единство и цели»⁶.

Соглашаясь с этим общим определением, попытаемся, однако, выяснить, о каких именно ценностях и стандартах заходит речь, когда говорится о евроинтеграции, и насколько они желаемы и достижимы для украинской экономики и общества в целом. Первое, что обращает на себя внимание исследователей, – это стандарты, которые «лежат на поверхности», – макроэкономические критерии членства в Европейском Союзе. Как известно, Копенгагенские критерии, определяющие возможность присоединения к ЕС, включают политические и экономические требования.

«Группа **экономических критериев** имеет две составляющие: существование действующей рыночной экономики; способность справиться с рыночными силами и давлением конкурентной среды в пределах Европейского Союза, – выполнение каждой из которых оценивают на основе анализа ряда факторов.

1) Существование действующей рыночной экономики:

- установление равновесия между спросом и предложением должно достигаться в результате свободного взаимодействия рыночных сил; либерализации цен и торговли;
- отсутствие значительных преград для входа на рынок (создание новых предприятий) и выхода из него (банкротство, ликвидация);
- наличие соответствующего законодательства, в том числе регулирование прав собственности; соблюдение законов и выполнение контрактов;
- достижение макроэкономической стабильности, в том числе соответствующей стабильности цен, устойчивости государственных финансов и платежного баланса;
- наличие широкого консенсуса в отношении основ экономической политики;
- достаточная развитость финансового сектора для направления накопленных средств и сбережений на инвестирование производства.

Поскольку вышеприведенные факторы являются основой любой рыночной экономики, то выполнение этой составляющей экономических критериев должно быть осуществлено еще до начала переговоров о вступлении.

⁶ R. Shpek «Ukraine- the EU from Cooperation to Integration» – Transition: Visions and Reality, Warsaw, 2001, p. 225.

2) Способность справляться с рыночными силами и давлением конкурентной среды в пределах Европейского Союза:

- наличие действующей рыночной экономики с уровнем макроэкономической стабильности, достаточным для того, чтобы субъекты экономической деятельности принимали решения в условиях стабильного и прогнозируемого климата;
- достаточное количество, и за надлежащую цену, человеческих и материальных ресурсов, в том числе инфраструктура (энергоснабжение, телекоммуникации, транспорт и др.), образование и исследование, а также перспективы деятельности в этой сфере;
- степень влияния политики правительства и законодательства на конкурентоспособность с помощью торговой политики, политики конкуренции, предоставления государственной помощи, поддержки малых и средних предприятий и т. д.;
- прогресс, достигнутый в реструктуризации предпринимательства;
- уровень и темпы торговой интеграции государства-кандидата с ЕС, достигнутые накануне расширения (объем и структура торговли с государствами-членами);
- достаточная доля малых фирм в структуре экономики, отчасти благодаря тому, что малые фирмы, как правило, получают большую выгоду от упрощенного вхождения в рынок и отчасти из-за того, что доминирование больших фирм может означать большую инертность в приспособлении к условиям рынка»⁷.

Если мы обратим внимание на требования «первого пакета», то сможем констатировать, что *в принципе* они соответствуют общим провозглашенным ценностям украинского общества. Правда, степень выполнения этих критериев остается очень разной: если наличие широкого консенсуса в отношении основ экономической политики можно констатировать уже сейчас (при условии «вынесения за скобки» особого мнения коммунистов), то достижение рыночного равновесия или макроэкономической стабильности еще требует напряженной работы. Необходимость обеспечения отсутствия значительных преград в создании предпринимательских структур полностью разделяется в деловых и властных кругах официально. Впрочем, на практике очередные попытки упрощения регуляторных требований завершаются возвращением к старым правилам или даже усилением бюрократического давления (*red tape*). И причинами этого можно считать не только корпоративные интересы многочисленного административного аппарата, но и незаинтересованность монополистических рыночных структур в усилении

⁷ Копенгагенські критерії. – Дніпропетровська обласна універсальна наукова бібліотека. Центр Європейської Інформації. – Дніпропетровськ, 2007. – С. 5–6.

конкуренции со стороны малого и среднего бизнеса. И в этой связи необходимо рассмотреть такие общественные ценности, как роль государства в экономике и роль среднего класса в жизни страны. Вследствие исторических традиций умерших поколений, которые, по высказыванию К. Маркса, «как кошмар, тяготеют над разумом живых»⁸ мы не можем отказаться от чрезмерного, всеобъемлющего патернализма в своих отношениях с государством, признавая *de facto* свою полную экономическую зависимость от административного аппарата, который на словах уже научились называть «наемной рабочей силой налогоплательщиков». А это происходит, прежде всего, потому, что в стране не нашлось политической силы (среди тех, которые периодически менялись во власти), которая бы на самом деле была заинтересована в создании среднего класса. В результате доля малого и среднего бизнеса в общем объеме производимых товаров и услуг в Украине упала до 14,2 %, в то время как достижение средних европейских показателей требует ее увеличения почти в четыре раза. К сожалению, такая тенденция характеризует не только реальные приоритеты власти, но и отсутствие «социального заказа» на создание среднего класса, который, в свою очередь, отдает предпочтение не активной борьбе, а уходу в «тень» или за границу.

Фактически в зародышевом состоянии уже в течение многих лет остается институциональное развитие рынка капитала. Его главная составляющая – фондовый рынок – в течение многих лет не может перерасти из более-менее привлекательной спекулятивной площадки в хотя бы национальный механизм привлечения инвестиционных ресурсов. В связи с чем украинские корпорации, используя холдинг-компании, зарегистрированные за границей, осуществляют размещение своих акций (IPO) преимущественно в Варшаве, Вене или Лондоне. В 2011 году таким образом было привлечено 3 млрд дол., в 2012 – предусматривается уже 4 млрд дол. А вот осуществление IPO на украинском рынке в 2012 году планируется только начать. При этом все эксперты, кажется, пришли к консенсусу лишь по одному вопросу: деньги в Украине есть, и при том деньги большие. А вот механизм их аккумуляции и превращения в инвестиционный капитал развить не удастся. И не потому, что неизвестны теоретические или практические аспекты такой работы, а потому, что этому мешает серьезный конфликт интересов: существующий рынок работает скорее в реверсном режиме, позволяя осуществлять непрозрачные расчеты по купле-продаже ценных бумаг за границей, следствием чего является выведение капитала (прежде всего, в форме прав корпоративной собственности) из Украины.

Однако упомянутые выше проблемы, по крайней мере, обсуждаются, и можно надеяться на то, что общественный интерес со временем таки

⁸ Маркс К. Вісімнадцате брюмера Луї Наполеона / Маркс К. і Енгельс Ф. Твори. – Т. 8. – С. 115.

приведет к существенным изменениям и решению этих проблем в форме, приемлемой, с точки зрения ответственности, по Копенгагенским критериям. А вот проблема собственности остается за пределами активных экономических дискуссий. В то же время, для нашей экономики эта проблема имеет, в прямом смысле, жизненное значение. Имеется в виду правовой нигилизм в отношении прав собственности, который обусловлен, опять-таки, историческим развитием государства. Учитывая наш опыт строительства коммунистического общества, который базируется на полном отрицании частной собственности и, соответственно, ее безусловной конфискации, мы, в первую очередь, должны были бы сделать то, что сделали все без исключения постсоциалистические страны «европейской ориентации» – провести реституцию частной собственности. Процедура не очень приятная с точки зрения краткосрочных политических перспектив, но абсолютно необходимая, имея в виду перспективы средне- и долгосрочные. Во всяком случае, рассчитывать на уважение прав новых владельцев достаточно трудно, пока такое уважение не будет продемонстрировано к правам бывших владельцев. Убедиться в этом позволяют многочисленные рейдерские истории.

Что касается «второго пакета» критериев, то с ними ситуация намного проще, имея в виду не возможность их обеспечения (о чем, вообще, можно будет говорить лишь после выполнения «домашнего задания», предусмотренного «первым пакетом»), а отсутствие серьезных отрицаний в отношении восприятия этих ценностей и стандартов. (С определенными замечаниями в отношении расхождения «между словом и делом» в вопросах государственной поддержки образования и науки, а также малого и среднего предпринимательства).

Таким образом, можно сделать вывод относительно того, что политика евроинтеграции (в смысле приведения реалий экономической жизни в стране к основным стандартам ЕС) в целом совпадает с реальными интересами украинского общества, независимо от возможностей и необходимости дальнейших шагов в отношении полноправного членства в Европейском Союзе. Ведь определенные, хотя и достаточно серьезные противоречия (конфликты интересов) с этими стандартами присущи не целому обществу, а лишь части (хотя и достаточно влиятельной) его делового сообщества. Впрочем, и эти противоречия не имеют долгосрочного характера, поскольку после перехода субъектов конфликта на новый, высший, этап развития у них возникает объективная потребность приведения отношений в соответствующих отраслях к общеевропейским стандартам. Таким образом, достижение полной гармонии украинской и общеевропейской системы ценностей в экономической сфере – это лишь вопрос времени.

Иначе выглядит ситуация с евразийской интеграцией. В этом случае речь не идет о необходимости соответствия каким-либо критериям, поскольку задача заключается в том, чтобы «преодолеть тенденции искусс-

венной (в силу политических реалий, которые сложились после распада СССР) дезинтеграции...». Это значит, что «по отношению к ЕврАзЭС правильнее говорить не о формировании, а о восстановлении ЕЭП»⁹ – единого экономического пространства. То есть, речь идет о том, чтобы восстановить экономические условия, которые существовали в едином государстве (с «поправкой» на рыночный характер отношений).

Обращает, однако, на себя внимание и тот факт, что в качестве одного из главных аргументов сторонниками такой реставрации выдвигается необходимость восстановления расторгнутых кооперационных связей, которые сложились между предприятиями во времена СССР. Считается, что от 25 до 50 % падения производства в странах бывшего Союза произошло именно вследствие расторжения этих связей. Между тем, в первые годы существования СНГ не было никаких административных или политических причин для расторжения кооперационных связей. Более того, правительство Украины, например, принимало специальные решения в отношении разных финансовых мер в системе расчетов и кредитовании, направленные на поддержание таких связей. Главной (а в большинстве случаев, единственной) причиной их расторжения была экономическая нецелесообразность, которая, во многих случаях, была понятной и в советские времена: нерациональные схемы снабжения сырья, энергии и запасных частей, а также переселения рабочей силы были предметом критических выступлений в прессе и на правительственных заседаниях. Впрочем, в рамках административно-плановой системы развитие экономически обоснованных связей было невозможно в принципе. В то же время, рыночные силы достаточно быстро привели к полному разрушению старых кооперационных связей и развитию новой системы разделения труда. Более того, в рыночных условиях (на сохранении которых делают акцент сторонники создания ЕврАзЭС) и сейчас не существует барьеров для международной кооперации, которая успешно развивается предприятиями Украины как со странами ЕврАзЭС, так и с другими странами мира.

Учитывая это, данный аргумент, скорее всего, можно отнести к сугубо пропагандистской составляющей проекта ЕврАзЭС, чего нельзя сказать о целом комплексе мер в отношении фактического сворачивания внутреннего рыночного регулирования с целью:

- формирования общего рынка товаров на основе решений национальных органов регулирования, согласованных в границах таможенного союза (отмена таможенных и технических барьеров,

⁹ Глазьев С. Ю. Евразийская экономическая интеграция в условиях глобализации. Тезисы к докладу / Материалы Международной конференции «Риски экономической дезинтеграции и поиск новых форматов взаимодействия между Украиной и Евразийским Союзом», Киев, 11.04.2012.

включая экспортные пошлины, нетарифные торговые ограничения и т. д.);

- создания общего рынка услуг, который предусматривает предоставление национального режима предприятиям сферы услуг – резидентам стран Союза, унификацию требований, взаимное признание сертификатов и лицензий и др.;
- проведения единой антимонопольной политики, включая вопросы природных монополий и обеспечение свободного движения прав интеллектуальной собственности;
- обеспечения свободного движения рабочей силы, требующего урегулирования правового статуса граждан одного государства-члена Союза, которые постоянно проживают на территории другого государства-члена Союза, а также свободного доступа к образованию и профессиональной подготовке и взаимного признания дипломов об образовании;
- формирования единого рынка капитала, которое означает не только свободный доступ к источникам финансирования, но и гармонизацию норм валютного регулирования, включая создание единого валютного рынка и переход на расчеты в национальных валютах;
- наконец, логическим завершением такой реставрации должна стать унификация норм регулирования, а также формирование институтов осуществления единой экономической политики.

Как непосредственно указывают сторонники такого проекта, «Евразийская экономическая комиссия должна получить полномочия относительно инициирования и принятия решений без обязательного согласования с национальными правительствами»¹⁰.

«Еще одним элементом Единого Экономического пространства, по мнению исследователей, может стать создание единой валютной системы или сохранение неизменных курсов национальных валют стран, которые входят в него по отношению друг к другу. (...) Такой вариант ведет к сокращению экспорта Украины и Беларуси и увеличению ими импорта из других стран, то есть ухудшению внешнеторгового сальдо»¹¹.

Если же исходить из опыта предыдущих переговоров и попыток восстановить единое валютное пространство в начале девяностых годов и отметить, что в качестве логического завершения процесса применения в

¹⁰ Там же.

¹¹ Украина и Таможенный Союз. Доклад № 1, 2012. – Центр интеграционных исследований. – СПб., 2012. – С. 16.

расчетах национальных валют на самом деле имеется в виду переход к единой валюте (причем, не общей, а российской), то можно уверенно констатировать, что результатом такого «восстановления» будет полная утрата странами-членами Союза своего экономического суверенитета, что, собственно, и является настоящей логической целью реставрации советской системы (с рыночным лицом). Ведь простое добровольное обеспечение соответствия внутренних правил и стандартов условиям, существующим в ЕврАзЭС, без формального принятия на себя обязательств по их выполнению (то есть, членства в Союзе), которое несколько раз предлагалось со стороны украинской власти (вариант «3 + 1»), не воспринимается в качестве евразийской интеграции (в отличие от европейской). А впрочем, если серьезно воспринять уверения тех, кто утверждает, что Евразийский Союз имеет намерения использовать лучшие наработки ЕС, то вариант добровольного обеспечения соответствия нормам ЕврАзЭС должен практически совпадать с обеспечением аналогичного соответствия нормам ЕС и, таким образом, будет означать совпадение европейского и евразийского векторов интеграции. Насколько это реально – зависит от реальности адекватных норм и стандартов обоих Союзов. Попытки установления технических стандартов, которые бы существенно отличались от принятых в ЕС (намек на то, что можно увидеть в истории «сырной войны»), свидетельствуют о том, что на этом пути может возникнуть много неожиданностей. В связи с этим, разработка и принятие конкретных технических стандартов в отдельных отраслях производства сейчас должны быть в центре внимания исследователей, поскольку именно в деталях, как известно, могут скрываться причины будущих конфликтов.

Пользуясь случаем, можно еще обратить внимание и на неприемлемость в качестве аргумента относительно необходимости присоединения Украины к ЕврАзЭС утверждения о том, что продукция украинских производителей, неконкурентоспособная на рынке ЕС, легко будет находить сбыт на рынке ЕврАзЭС. Очевидно, что такая аргументация имеет, скорее, пропагандистский характер, поскольку маркетинговые исследования доказывают на то, что и рынок ЕврАзЭС давно уже стал полем острой конкуренции между поставщиками со всего мира (в том числе, из Европейского Союза, доля которого во внешнеторговом обороте России превышает 50%). Товарпроизводители стран-членов ЕврАзЭС давно уже заметно модернизировали свое производство и уверенно выдерживают конкуренцию на мировом рынке. Конкурентная борьба на этом рынке, без сомнения, будет лишь обостряться, особенно принимая во внимание вступление России во Всемирную организацию торговли и вероятное создание зоны свободной торговли между Россией и ЕС (переговоры о которой еще в 2006 году должны были начать после вступления РФ в ВТО). Следовательно, рассматривая проблемы евразийской интеграции, мы все равно приходим к советам экспертов, подготовленным в связи с интеграцией европейской: «Структурные особенности украинской внешней торговли *должны быть радикально изме-*

нены в процессе инновационной реновации украинской экономики»¹². Таким образом, опять-таки, требования относительно необходимости модернизации украинского производства, а также диверсификации ассортимента и улучшения качества экспортируемых товаров совпадают при обоих возможных направлениях интеграции – европейском и евразийском.

Обращает на себя внимание тот факт, что исторические и географические факторы (так же, как политические и экономические) не оставляют Украине другого реального выбора. Регионально Украина может присоединиться лишь к одному из двух полноценных союзов – существующему ЕС или ЕврАзЭС (который еще находится на стадии формирования). Это значит, что присоединение Украины, например, к Организации Черноморского экономического сотрудничества не рассматривается в качестве альтернативного варианта, а считается лишь вспомогательным или промежуточным этапом интеграции в любом направлении. И, конечно, не мешает рассмотреть такое членство в качестве препятствия самостоятельному, «внеинтеграционному» развитию украинской экономики.

Как уже отмечалось выше, внеинтеграционное развитие не должно рассматриваться как попытка изоляционизма, а, наоборот, требует дополнительных усилий в отношении адаптации национальной экономики к условиям современной глобализации. В этой связи считаю необходимым более серьезно отнестись к задаче, которая была сформулирована Президентом Украины в его Послании к Украинскому народу 3 июня 2010 года и заключается в необходимости «войти в число ведущей «двадцатки» мира как современное государство с конкурентной экономикой XXI века»¹³.

Понятие «ведущей двадцатки», прежде всего, ассоциируется с так называемой «группой двадцати» (G-20), которую иногда (особенно в русскоязычных источниках) называют «Большой Двадцаткой». Членами «двадцатки» являются Австралия, Аргентина, Бразилия, Великобритания, Германия, Индия, Индонезия, Италия, Канада, Китай, Корея, Мексика, Россия, Саудовская Аравия, США, Турция, Франция, ЮАР, Япония и Европейский союз. Впрочем, даже, первоначальный анализ состава этой группы (созданной в 1999 году с целью обсуждения проблем глобальной экономики на уровне министров финансов и председателей центробанков) свидетельствует о том, что вряд ли все страны-члены могут быть отнесены к ведущим мировым государствам. Скорее, они сами представляют разные группы стран, в том числе развивающихся. С другой стороны, формально в «группу 20» не входят высокоразвитые европейские страны (которые в целом представлены Европейской Комиссией). С другой стороны, такое посредст-

¹² Strategy of the economic and social development in Ukraine (the years 2004–2015) «Towards European Integration»/ A. S. Galchynsky, V. M. Geyets and others. – Kyiv: NISS, 2004. – P. 319.

¹³ Послання Президента України Віктора Януковича до Українського народу. – Офіційне видання. Національний інститут стратегічних досліджень. – Київ, 2010. – С. 8.

венное представительство у «двадцатки» имеют и небольшие страны-члены ЕС, экономический потенциал которых не позволяет им самим претендовать на вхождение в «ведущую двадцатку».

Для оценки степени экономического развития иногда используется показатель уровня ВВП на душу населения. Однако по этому показателю к «ведущей двадцатке» должны быть причислены такие маленькие страны, как Катар, Сингапур, Бруней, Исландия, Бахрейн и др.; в то же время, формально не проходят Саудовская Аравия (39 место), Аргентина (51), Россия (52), Мексика (61), Бразилия (74), Южно-Африканская республика (78) и Индонезия (122). Украина занимает в этом рейтинге 100 позицию (по разным оценкам, 100–102 место, *в том числе, в зависимости от использования показателя ВВП – номинального или по паритету покупательной способности*). Таким образом, украинский показатель формально даже лучше, чем у одного из членов «группы 20» – Индонезии (6,7 тыс. дол. против 4,3 тыс. дол.).

Учитывая это, следует обратиться к показателю общего объема ВВП, согласно которому (*по разным оценкам, а также в зависимости от использования показателя ВВП – номинального или по паритету покупательной способности*) к двадцатке «ведущих стран», безусловно, относятся США, а также такие страны, как Австралия, Бразилия, Великобритания, Индия, Индонезия, Испания, Италия, Канада, КНР, Корея (Южная), Мексика, Германия, Россия, Турция, Франция и Япония. В зависимости от оценок обращения ВВП, на принадлежность к «двадцатке» также могут претендовать Нидерланды, Польша, Швейцария и Швеция. Объем ВВП указанных стран колеблется от 15 трл дол. до 500 млрд дол. Украина (с показателем 140 млрд дол. занимает 51–53 место.

Из этого можно сделать вывод, что для того, чтобы по обобщающему показателю ВВП претендовать на вхождение в «ведущую двадцатку» через 10 лет Украина должна иметь показатель объема ВВП на уровне 750 млрд дол., или 15–17 тыс. дол. на душу населения. Для достижения такого результата необходимо будет обеспечивать ежегодные темпы роста экономики на уровне 8–9 % (с расчетом, что среднемировой рост будет составлять лишь 5–4 %).

Такие показатели ВВП приблизительно совпадают с оценками нобелевского лауреата, проф. М. Спенса, который считает, что уровня так называемых развитых стран могут достичь страны, в которых живет 75 % населения планеты, при условии обеспечения ВВП на душу населения свыше 20 тысяч долларов¹⁴.

¹⁴ Road Map to an Economic Marvel. Interview with M. Spence. – The Ukrainian Week, # 3, (26) March 2012. – P. 24.

Кроме того, следует учитывать, что заметное влияние на признание Украины в качестве «ведущей страны» будут иметь некоторые другие показатели ее развития, в частности, индекс конкурентоспособности, индекс развития человеческого капитала, эффективность деятельности общественных институтов и др.

Таким образом, на наш взгляд, вполне удачным является мнение посла Германии в Украине Г.-Ю. Гаймзета, который, вспоминая поставленную Президентом Украины В. Ф. Януковичем цель – войти в 20 наиболее экономически развитых стран, – отметил: «Она амбициозна, но достичь ее вполне возможно. Однако существует еще одна цель – подняться выше в рейтингах экономической и инвестиционной привлекательности, борьбы с коррупцией и др. В этих сферах прогресс в Украине пока не настолько велик, чтобы двигаться быстрее по сравнению с другими странами»¹⁵. Ускорения же движения в этом направлении можно достичь, адаптируя собственную экономическую систему (ее нормативно-правовые и институциональные составляющие) к стандартам ЕС. Даже если такая работа с формальной точки зрения и не будет непосредственно связана с намерениями или планом действий по вступлению Украины в Европейский Союз. Более того, «внеинтеграционное» развитие Украины на основе евроинтеграционной «повестке дня» может обеспечить Украине возможность занять место того геополитического «противовеса», который обеспечит «стратегическое равновесие как шанс Украины в многополярном мире»¹⁶. Хотя, очевидно, «не факт, что украинское «стратегическое балансирование» удовлетворит тех, между кем Украине предлагается потребность те, между кем Украина собирается стать «коммуникатором»¹⁷. Для того чтобы получить такой статус в глазах международных партнеров, Украине необходимо иметь «добавочную стоимость». «Понятно, что, не сумев развить полноценной коммуникации ни с Западом, ни в Востоком, сейчас вряд ли самый подходящий момент стать между ними «коммуникатором»¹⁸. Более того, даже если бы Украина и развила такие связи, спрос на услуги посредника возник бы только в том случае, если Восток и Запад «не разговаривали бы друг с другом». К счастью для всех, времена «холодной войны» позади и мировая коммуникация происходит напрямую. Следовательно, «добавочная стоимость», в данном случае, может возникнуть, например, если бы Украина смогла построить особые отношения с теми странами и регионами, которые могут иметь «добавочную цен-

¹⁵ Кравченко В., Силіна Т. Кнута skarg I propozyzії // Дзеркало тижня. Україна. – 2012. – № 16. – 28 квітня. – С. 4.

¹⁶ Грищенко Г. Стратегічна рівновага як шанс України у багатопольарному світі // Дзеркало тижня. Україна. – 2012. – № 9. – 09 березня. – С. 1.

¹⁷ Павлюк О. Про модернізацію, євроінтеграцію, рівновагу та еквілібристику // Дзеркало тижня. Україна. – 2012. – № 14. – 14 квітня. – С. 5.

¹⁸ Там же.

ность» для Европейского Союза, но до развития непосредственных отношений с которыми у ЕС «не доходили бы руки» (по объективным или субъективным причинам»). Прежде всего, это может касаться некоторых стран группы BRICS, а именно Бразилии (с которой Украина имеет достаточно хорошие экономические отношения) и Южной Африки (имея в виду не только ЮАР, но также Анголу и Мозамбик, которые пока что достаточно рискованные для европейского бизнеса, но довольно успешно осваиваются постсоветскими бизнесменами). Обеспечив серьезную кооперацию с этими странами сегодня, завтра можно рассчитывать «на их плечах» войти в клуб «Большой двадцатки» (членами которого они уже есть) и претендовать на то, чтобы не напрашиваться, а быть приглашенными в «клуб» ЕС.

Все это позволяет сделать вывод, что стратегически (при условии необходимости обеспечения перехода страны из разряда «развивающихся рынков» в категорию развитых стран) Украина не имеет альтернативы дальнейшему социально-экономическому развитию на основе функциональных и институциональных стандартов, принятых в странах ОЭСР и, в первую очередь, странах – членах ЕС. При этом действия, направленные на обретение членства в ЕС, ЕврАзЭС или сохранение «status quo» в качестве «глобального игрока», у которого есть намерение в течение долгого времени удерживаться от глубокой интеграции в рамках любого регионального объединения, будут иметь важное, но лишь тактическое значение, не изменяя сущности реформ, которые необходимо осуществить.

В связи с этим можно вспомнить так называемую «политическую трилемму мировой экономики» турецкого экономиста Д. Родрика, которая утверждает, что ни одно государство в современных условиях на практике не может обеспечить достижения более двух из указанных целей: «глубокой экономической интеграции», «сохранения национального суверенитета» или «обеспечения демократического строя». Следовательно, собственно выбор комбинации «два из трех», который будет в наибольшей степени соответствовать национальным интересам и реальному расписанию политических сил в стране и будет составлять сущность практических шагов украинской власти и гражданского общества в ближайшие годы.

Завершая анализ проблемы, необходимо обратить внимание на вывод, сделанный по результатам основательного исследования экспертами Немецкой консультативной группы еще в 1998 году: «Украина на самом деле находится на перепутье между дорогой проведения систематической реформы к рыночной экономике и между возможностью возвращения к постсоветским условиям»¹⁹. К сожалению, в силу субъективных и объективных причин необходимы и предусмотрены реформы, преимущественно, не

¹⁹ Україна на роздоріжжі / За редакцією А. Зіденберга і Л. Хоффманна. – К. : Фенікс, 1998. – С. XIII.

завершенные к настоящему времени. Таким образом, выбор интеграционного пути все еще зависит от выбора рыночной реформы: уровень ее последовательности и завершенности почти автоматически будет определять привлекательность для Украины того или иного интеграционного сценария в зависимости от ее готовности занять соответствующее место в глобальной экономике.

Статья поступила в редакцию 6 июня 2012 г.